

В. А. Демьянов

кандидат философских наук, доцент

КТО "ЗА СКОБКАМИ"? (КВИНТ-ЭССЕ)

*– Чем социализм отличается от капитализма?
– При капитализме человек эксплуатирует человека.
– А при социализме?
– А при социализме всё наоборот.
Анекдот советских времен*

Обсуждение чуть ли не каждой из животрепещущих проблем нашего социального бытия (впрочем, многие из проблем уже шевелиться сил не имеют, не то что трепетать) нередко увенчивается выводом: "Сначала надо запустить экономику!"

Услышав эдакое, первым делом хлопаешь себя по коленке: "Да ведь верно!" Чуть позже непроизвольно морщишь лоб: "Где-то это я уже читал..." Ведь что ж это получается – экономика... первична? В следующий раз, как по Жванецкому, уже не слушаешь, а разглядываешь оратора. Ну этот, допустим, с его-то... лицом, в наш калашный ряд явно не хаживал, но этот-то, точно знаю, сначала карьеру на марксизме сделал, а потом ещё дальше пошёл, когда громить его начал. Так и он туда же, "сначала экономику запустить"! А ещё Поппером клялся! А Гуссерль что говорил? Не стану цитировать, но и взлёт, и кризис Европы, европейского человечества, европейских наук основоположник феноменологии не с экономикой – с философией связывал. Да и будущее Европы, и оно от философии зависит. Его потом и Апель с Хабермасом поддержали. Дискурс, говорят, правильный надо, не взирая на лица, по-философски организовать, и все будет о'кей, то бишь *abgemacht*.

Нет, всё-таки не удержусь, процитирую. "Философия должна всегда выполнять в европейском человечестве свою функцию – архонта всего человечества" [2, с. 652]; "философская наука есть то, что наиболее необходимо нашему времени" [2, с. 742], – настаивает Э. Гуссерль. Пробегая глазами несколько подобных мест, я смутно угадываю что-то знакомое, что-то насчёт всемирно-исторической миссии, каких-то функций философии, идей, которые грубо овладевают массами и превращаются в невероятную силу. Тут уже не по Жванецкому получается, а почти по Черномырдину – хотели наоборот, а получилось как всегда.

Вот ещё цитата: "Я не говорю, – пишет Э. Гуссерль, – что философия – несовершенная наука, я говорю просто, что она ещё вовсе не наука, что в качестве науки она ещё не начина-

лась..." [2, с. 669–670]. Естественно, это надо понимать так, что философия как строгая наука – это феноменология. А все, что "до" – не наука. Здесь опять угадывается что-то знакомое. Даже периодизация истории философии такая была – до "единственно научной философии" и после. Гегель тоже нечто подобное формулировал. То есть прецеденты были. Да, собственно, по Гуссерлю, философия всегда стремилась стать научной, но не могла. Всякий раз до чего-то доходила и перед чем-то останавливалась.

Позаимствуем приём у извечного примера строгой научности – у математики. Предположим, что именно феноменология идеал научности действительно реализовала. Сбылось. Что из этого воспоследует?

"Наука есть название абсолютных и вневременных ценностей", "наука безлична" [2, с. 732; 3, с. 740]. В отличие от множественности философий, бесконечно друг друга опровергающих, наука одна. Наверное, потому, что заблуждений много, а истина одна (как и наука).

Но вот что из этого вытекает. Представим себе тему конференции типа "Рецепция законов Ньютона в Японии". Рецепция физики или геометрии вряд ли может расцениваться как собственно физический или геометрический вопрос. Интерес он может представлять разве что для дидактики. Если в лице трансцендентальной и интенциональной феноменологии мы имеем строгую науку, то особенности её освоения кем бы то ни было и где бы то ни было сам Эдмунд Гуссерль, наверное, вынес бы "за скобки". Ведь здесь, говоря вообще, нет места для "частных мнений", "воззрений", "точек зрения" [2, с. 670].

На самом деле я безмерно далёк от предположения о бессмысленности обсуждаемой темы. Она видится априорно содержательной. Если даже я – обитатель Восточной Европы и не феноменолог – всё-таки чего-то тут о феноменологии рассуждаю, да ещё пытаюсь её критически осмысливать, то какая-то рецепция присутствует. Вот она, спасительная цитата из Гуссерля: "Ибо ясно, что и философская критика, поскольку она в действительности должна претендовать

на значимость, есть философия и в своем смысле включает уже в себе идеальную возможность систематической философии как точной науки" [2, с. 723]. И Гуссерлю ясно!

Конечно, рецепция может быть на уровне "не выше сапога". Бывает. Но тогда, как говорил Жванецкий, это не к нам, это – в медпункт. И там "старшие товарищи" меня поправят. Если же серьезнее, то вопросы к самой идее феноменологии и той традиции, на которой она базируется, неизбежно возникают.

В четвертом из картезианских рассуждений Гуссерль говорит, что феноменология есть не что иное, как наука о трансцендентальном его, "эгология". Путь к этому его – до конца проведенная редукция. Чтобы проделать такой путь, необходимо вынести "за скобки" все классы предметов, существование которых может быть подвергнуто сомнению. У Гуссерля в результате осталось одно лишь его собственное трансцендентальное Я. Всё вынес! Ну а моё, восточноевропейское "Я" тут призадумалось. Нет, не то чтобы вещичек жалко стало. Это немецкому профессору есть чего пожалеть, да и работы с выносом много. А нам-то что? У нас не то что "за скобки" – за границу все, что могли, повывозили, мы и глазом не моргнули. Да это ещё что! Туда же ещё и вот эти, которых я всегда с помощью особого рода "аппрезентации" усматривал, – многие "трансцендентные по отношению к моему трансцендентальному его" другие трансцендентальные Эги побуждали. Так что феноменологическая или уж какая там другая редукция идет полным ходом сама собой, без всяких моих усилий.

Нет, "Я" моё вот что подумало. Это ж получается, *вообще* всё повыносить. То есть... и мать родную? Хорош Гуссерль! Это ж кем быть надо? – Не человеком, субъектом каким-то... трансцендентальным. А как же насчёт "чти отца своего и мать свою"? Сколько ни мучился – нет, не могу я мать, как сор из избы, – "за скобки". Не трансцендентная она мне какая-то. Да и что мне потом – "аппрезентацией" её успокаивать? "Периферийной монадой" обозвать? И кто ж я буду после этого? А Гуссерль-то велит...

Тут я (уже не трансцендентальный) понял, какой такой из меня европеец! Не европейский. Дальневосточный, что ли. Да мне, такому не-трансцендентальному, феноменологию ни в жисть не рецепировать. Не сменить мне естественную ориентацию, то есть, извините, установку, конечно, на противоположную. Да ещё я мудрость люблю. А Гуссерль говорит, "мудрость – старомодное слово" (почти как капитан Жеглов: "Милосердие – поповское слово"), не подходит она для науки. "Её работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу вечных

значимостей, которая должна служить благополучию человечества. И это... имеет исключительное значение по отношению к философской науке" [2, с. 740]. Мудрость и наука – это, примерно, как кустарь-одиночка супротив "General Motors", ну а "глубокомыслие есть знак хаоса" [2, с. 740]. Руки по швам: "Наука сказала свое слово; с этого момента мудрость обязана учиться у неё" [2, с. 734].

Да что ж я за человек за такой?! Ну никакой тебе "теоретической одаренности". Так обидно стало! Тут, конечно, вредная привычка цепляться за слова, то бишь за понятия, заговорила. Стоп, думаю. "Человек", "человек"... А трансцендентальный субъект – человек или не человек? После того, как он такое с отцом-матерью учинил? Без роду без племени субъект-то!

Понятия у нас как определяются? – через ближайший род и видовое отличие. Родное всё-таки даже для логической операции необходимо, выходит. Человека через какой ближайший род всегда определяли? "Животное политическое", "животное, производящее орудия труда", "животное разумное", "животное...". Ничего себе родственнички! Тут уж я на всю европейскую философскую традицию ощетинился, а становиться европейцем и вовсе перехотелось. Как-то не вдумывался раньше особенно, но нетематически казалось, что от человека я произошел. От отца с матерью то есть.

И разобраться захотелось, а что есть человек? Столько определений существует, а где же истина? Тут Евангелие вспомнилось. Как Пилат, с немывтыми ещё руками, с подковыркой эдакой у Христа спрашивает: "Что есть истина?" На то Христос мог бы ему ответить: "Я есть Истина и Путь и Жизнь", но, вняв скептицизму вопрошающего, отвечать не стал.

Хорошо, если тебе Бог отвечает, Он поправит, а ежели самому себе неправильно вопрос задать, так ведь всенепременнейше дурацкий ответ получишь. И не заметишь даже как.

Получается, что европейская философская традиция веками задавалась вопросом "что есть человек?", – а ведь надо бы "кто?" По-немецки, да и по-английски, например, можно и так и этак. Но если спрашивают "кто ты?", – значит, личностью твоей интересуются, а если "что ты?", – значит, профессия твоя интересует или положение. Все четко, все по полочкам.

Язык – великая вещь. "Дом бытия". Тут я с Хайдеггером вполне согласен. Но европейский дом – одно, а наш – другое. Мышку-норушку и лягушку-квакушку теремок вполне устраивал. А вот медведь явно с этим делом погорячился. Но это так, к слову. А если всерьёз, то уже Аристотель всё сущее по грамматическим сусекам распределил. Категории – роды высказываний о су-

щем. Первая и наиглавнейшая – сущность, она же "чтойность", ни о чем она не сказывается, наоборот, – все о ней. Вот и получите краеугольный камень традиции философской. Всё на свете – "чтойность", предметность то бишь. А "чтойность" где же? И это ведь на века! За редчайшими исключениями. Аврелий Августин или Мартин Бубер, скажем. Ну, этих вера от такой редукции спасла. Хотя Фейербах, кажется, не верил.

Кстати, о редукции. Если всё что ни есть – предметность, то что в скобках после феноменологической редукции останется? – То-то, *что!* "Субъект" ведь тоже на вопрос "что?" отвечает. Так это и Я – "что"? Я сам, свой собственный? Нет, если исключительно профессию иметь в виду, то это, конечно же, "чтойность". Субъект-математик, наверно, и возражать не сможет, особенно если он по-немецки или по-английски мыслит. Но ежели он философ, то нехорошо с профессией как-то получается. Этимологически "философия" – любовь к мудрости, а любовь-профессия, профессиональная любовь – вряд ли предметом гордости может являться.

Человек – предмет или не предмет? Думаю так, что, в совершенстве освоив какую-либо предметную область, он *может* гордо выступать профессионалом. Определителю, так сказать. Ну а если без гордости, то личностное бытие *запросто* оборачивается предметным, "чтойностью". Вхожу я, к примеру, в трамвай, и его явно кто-то ведёт. Этот "кто-то" никакая для меня не личность, это – устройство, которое просто должно хорошо выполнять свои функции, иметь такую "теоретическую одаренность". Будет ли это Иван Петрович или Петр Иванович, – мне совершенно всё равно. Никакой личности, никакой "чтойности" здесь места нет. "На производстве незаменимых людей нет!" – гласит известный (и совершенно правильный) лозунг. И завтра забастовавшего или заболевшего Ивана Петровича запросто заменят Петром Ивановичем. Вот она, "практическая абстракция" (редукция). А маму заменить какой-нибудь другой женщиной можно? Мама – это профессия? Да нет же, даже просто "хороший человек" и то не профессия, говорят.

Ну, кажется, кардинальное различие между "чтойностью" и "ктойностью" уже высветилось. Предметное бытие – "многое", личностное – "одно". Предмет анонимен, беспрепятственно заменим другим подходящим, личность же – совсем напротив, сына или дочь другим кем-то не заменишь. Предмету соответствует понятие, личности – имя. Я – местоимение, то есть просто заменяет имя. Соответственно, Я – не понятие. Не для того оно, чтобы класс предметов обобщить, а для того, чтобы из всего на свете себя выделить и понять, что ты не предмет. Осталось вы-

яснить "трансцендентальное соотношение", связь между "кто" и "что". "Первичность-вторичность", так сказать, и уже не в рамках логико-гносеологических операций, а онтологически.

То, что человек может редуцировать себя к предмету, вещи, орудю – факт и повседневный, и исторический (вспомним хотя бы рабство), и теоретический (здесь много чего можно вспомнить). Ведь субъект, если весь универсум его отношений – предметность, сам должен пониматься либо как особый, но всё-таки предмет (и тогда он редуцируется к тому, что отражает)¹, либо как *нечто* совершенно трансцендентное и непостижимое по отношению к миру. Между этими полюсами – весь диапазон вариаций предметности ("чтойностной") традиции в философии. От рационализма – до иррационализма.

Когда из предметностей пытаются человека, личность вывести, – вот тут-то и получается иррационализм. "Аппрезентация" какая-нибудь. Или, что то же самое, в принципе, – теория развития. Выходит, из электронов и позитронов человека каким-то образом вывести надо. Хотя бы теоретически. На деле ведь ни в одной пробирке из любого набора неживого даже заухудалую инфузорию вывести не удавалось. Из живого мертвое – пожалуйста! Наоборот – никак. Такое же точно соотношение между живым (всем на свете) и человеком. Человека в животное превратить (и даже в растение – клонирование имеется в виду) – это пожалуйста, есть куча технологий. Наоборот – никак! Хотя желающие находятся.

Вот профессор Преображенский, например. Михаил Афанасьевич Булгаков притчу ведь написал. Конечно, в первую очередь о хождении интеллигенции в народ и о том, что из этого вышло. Прозревший Филипп Филиппович горестно восклицает: "Зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно" [1, с. 574]. А результат? – "Клим Чугункин! Вот что-с: две судимости, алкоголизм, "все поделить", шапка и два червонца пропали. Хам и свинья..." [1, с. 574]

"Зачем?" – фундаментальнейший из вопросов. Вопрос есть трансцендентальное условие возможности разграничения философии и науки. "Что?", "Как?", "Почему?", – вот круг вопросов науки. Первые два характеризуют её эмпирическую стадию. Как, впрочем, и всякое обыденное знание. "Почему?" – это уже теоретический уровень. Это уже запрос на объяснение, а не только опи-

¹ Вот, пожалуйста: "... Трансцендентальное *ego* (в параллельном психологическом исследовании – душа) есть то, что оно есть, только в своей связи с интенциональными предметностями". Husserl E. Cartesianische Meditationen. – Hamburg, 1995. – S. 66–67. Известное дело – с кем поведешься, от того и наберешься.

сание, не только знание того, "что" и "как". Если бы круг вопросов этими тремя и ограничивался, философия никогда бы и на свет не появилась. Она рождается вопросом "Зачем?", выходящим за рамки науки. Ну, то есть *редуцировать* философию к "что", "как" и "почему" можно, и примеров тому несть числа. Но зачем?

Как и почему образовался Атлантический океан – вопрос научный. Зачем он "делался"? – к науке никакого отношения не имеет. "Зачем"? – это уже вопрос к человеку или Богу, ко "чтойности", а не к "чтойности". На такие вопросы отвечают философия и религия, а не наука.

Условием возможности всего феноменологического проекта (превращения философии в науку) является аксиологическое ранжирование философии и науки. *Зачем-то*, во что бы то ни стало нужно *превратить* философию в науку (т. е., наука "покруче" философии будет). Трансцендентальное условие возможности такой феноменологической редукции есть неререфлектированная, до всякой феноменологии уже осуществленная редукция бытия – к предметному, "чтойности" – к "чтойности", свершившаяся в веках, которые были прежде нас. Старая история вышла. Сова феноменологии в сумерки тоже вылетела, примерно когда Шпенглер за "Закат Европы" уже взялся. Аннушка уже разлила масло, так сказать. В XIX веке, правда, проявилась более-менее отчётливая реакция. Фейербах, Кьеркегор, Шопенгауэр, Ницше и др. Потом философия жизни, философская антропология, Хайдеггер, экзистенциализм и т. д., но все это в рамках той же традиции тем не менее. Мартин Хайдеггер, например, уберегая экзистенцию от самоутверждения через гносеологическое отношение, громя предшествующую метафизику за любовь к сущему и забвение бытия, преодолевая "гносеологическую бухгалтерию", всё-таки "мирность мира" выстраивает через отношение *Dasein*'а к вещам. Пусть уже к подручным, к любимым башмакам и чашкам – отнюдь не к гносеологическим объектам, – но всё-таки к вещам. И преуспел настолько, что Теодор Адорно не преминул обозвать все это построение "философским жаргоном собственности". И не зря.

Вещи (подручные, разумеется, – утварь всякая домашняя, инструменты и материалы – никоим образом не предметы познания) настолько фундаментально онтологичными оказываются, что из них даже другие *Dasein*'ы выводятся. Почти как Буратино у папы Карло:

"«Описание» ближайшего окружающего мира, например рабочего мира ремесленника, – по Хайдеггеру, – выявило, что вместе с находящимися в работе средством «совстречены» другие, для кого назначено «изделие». В способе бытия этого

подручного, т. е. в имени-дела лежит по сути указание на возможных носителей, кому оно должно быть скроено «по плечу». Равным образом встречен в примененном материале его изготовитель или «поставщик» как тот, кто хорошо или плохо «обслуживает». Поле, к примеру, вдоль которого мы идем "за город", показывает себя принадлежащим кому-то, кем содержится в порядке, используемая книга куплена у ..., получена в подарок от... и тому подобное" [3, с. 117–118]. Вот так, побазаровски: "Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник". Нигилизм получается. Европейский. Да и Энгельсова "Роль труда в превращении обезьяны в человека" детским лепетом теперь кажется. Тут не то, что человек, – целый мир из труда и средств производства получается. Не завёл себе "дело" – и мира не получишь¹.

Здесь я опять вспоминаю, какой я неевропеец. Потому что мне не нужно головоломным образом конституировать мир из наличия у меня некоего дела, относительно цели которого рубанок дальше, а молоток ближе. Это у Хайдеггера так получается пространственность мира. А мне, носителю русского языка, и мучиться не надо. Потому что "мир" изначально дан мне вместе с самим этим словом, "мир" – люди. А среди них, опять-таки изначально, – ближние и дальние, свои и чужие. И "дела" себе никакого измысливать не надо. Главное – быть человеком среди людей, вот тебе и мир готов, и даже с пространственностью сразу, с измерениями. Вот оно, "дело"-то главное – человеком быть (а не "чтойностью"). Тогда и *Welt* будет, и *Lebenswelt*. Нет, не "будет", – есть изначально.

Нанявшись работать кондуктором, человек без всякого философского образования совершает саморедукцию к служебной функции всё же не так по-вивисекторски, как это проделывает представитель "философии как строгой науки". Не обладая "теоретической одаренностью", мудрость он не отбрасывает, да и дело имеет не с абстракцией человека, а с живым, конкретным человеком – с самим собой. Понятия не имея об "аппрециации", он иногда даже опостылевших пассажиров воспринимает не как "периферийные монады" и предметности, а по-человечески. Талончик, например, закомпостирует вам, хоть и не обязан.

Сколько бы мы ни пытались постичь и выразить человеческую самость через отношение её к предметностям, мы получим в итоге лишь предметность, потому что даже отрицание предметности предметность всё же инфицирует, ведь отрицание – форма связи. Предмет обладает самостью (бытийностью) ограниченным, именно предметным образом. Самостью, единственно-

¹ За пунктуацию в Хайдеггеровой цитате прошу прощения, но она не моя. Это В. Библихин запятыми истребил, – говорит, что их злобная коммунистическая цензура выдумала.

стью его всего лишь "заражает" человеческая личность ("мои" башмаки, "моя" чашка).

Наше "Я" – уникальное, неповторимое, единственное во всем мире – вспыхивает как манифестация бытия (оно ведь тоже "одно") вовсе не в отношении к предметам, хоть гносеологическом, хоть практическом, хоть критическом. Место рождения "Я" – человеческие, личностные связи. Не социально-предметно-функциональные, где на нашу личность, на наше "Я", по большому счету, плевать, потому что есть ещё равноценное "многое". Именно человеческие отношения, где не место сравнению, измерению, абстрагированию и равноценности, – всему предметному. Личностное бытие – условие возможности предметного, а не наоборот. Личностное бытие тотальнее предметного, и именно оно содержит в себе условие возможности и науки, и искусства, и философии.

Все эти формообразования человеческого духа условием возможности имеют понятие самоценности (объекта самого по себе, знания самого по себе и т. д.). Предметного опыта самоценности, безусловности не существует. Самоценность изначально представляет собой ребёнка для отца и матери. Ежедневно и ежечасно обращаясь с ним как с уникальной, безусловной ценностью, любящая мама, "соответствующая своему понятию", не задаваясь никакими трансцендентальными вопросами, в конечном счете "добивается" того, что как бы само собой на определенном этапе в ребёнке её вспыхивает "Я". Этот метафизический факт эмпирически констатируется тем, что юный человек отныне говорит о себе не в третьем лице ("Сережа хочет пить"), а в первом, единственном и безусловном: "Я хочу". И вот вам (нам), пожалуйста, духовно-практическая способность к безусловности, и отныне он становится способен отнестись ко всему на свете как самоценности, а это и есть трансцендентальное условие и эстетического, и этического, и даже сциентистского отношения. Способность к бытию (а не существованию в качестве "животного разумного"), т. е. к безусловному и вечному, порождается в человеке человеком же. Усвоив *человеческое* отношение хотя бы к отцу-матери, человек, вместе с "чти отца своего и мать свою", усваивает безусловный и всеобщий императив, не ограниченный никакими обстоятельствами. Вечность – условие возможности времени, это она связывает воедино прошлое-настоящее-будущее. Временно мама и для кошки существует (пока молоком кормит). Таким образом, истоки всеобщего в практическом разуме искать бы следовало, а не в чистом. Имея "в руках" безусловную (и, соответственно, сверхэмпирическую) всеобщность, можно уже и условную всеобщность (закон) сформулировать.

"Первичность" личностного бытия по отношению к предметному, взятая за принцип, по моему глубокому убеждению, именно и позволяет избежать ситуации, анекдотически отображенной в эпитафие. Чтойностно-предметная традиция не содержит в себе условия возможности постичь понять-выразить личностное бытие само по себе. Весёлый человек Ницше дошёл в этом направлении до Геркулесовых столпов, ощутив непригодность всяческих субъект-объектных связей для выражения ничем не замутнённой субъективности. "Учитесь танцевать!" – вот его слово. Кстати, провидцем Ницше оказался, ибо лозунгом нашей эпохи стало "танцуют все!". Даже песни мы уже не слушаем, а смотрим, главное ведь в них – телодвижения, видеоряд.

Проект Гуссерля – это, наверное, действительно завершённый рационализм. "Метанаука". Не знаю уж, куда дальше. Вот только "не укради" – отнюдь не рационализм. Это сверхрациональная и сверхэмпирическая норма. Очень даже рационально украсть, если "плохо лежит" и есть гарантия, что никто никогда не узнает. Потому и заповедь такая существует, что красть – рационально. "Не укради" никак из трансцендентального "эго" не вытекает. Из другого источника этот императив черпают. А что касается завершённого рационализма, то его не в философии и даже не в науке искать следует. Желающих просим открыть хотя бы закон Украины об НДС. Вот где "строгая наука" – понятия определены так четко, что диссертанту иному и не снилось, и не дай Бог двусмысленность какая – сразу скандал поднимается. А ведь римское право постарше европейской науки будет?

Мир бытия – мир сингулярных связей. Здесь бытие как "одно" высвечивается в единственности, уникальности отношения "Я – Ты". Ближе всего к этой идее подошел Мартин Бубер. Персонализм так или иначе сводит личность к воле уединившегося "Я". В целом же европейская философская традиция базируется на примате предметно-функциональных связей. Даже способ именованья об этом говорит. Если я, например, "Демьянов", – то это значит "сын Демьяна". Имя через сыновство. "Мюллер" – это мельник, "Шмидт" – это кузнец. "Имени-дела" здесь действительно главное. Менталитет такой. Личностное видится как второстепенное, как "бесплатное приложение" к предметному. Между тем антропология отцов Восточной церкви содержит показательное терминологическое различие. Латинское "persona" было признано непригодным для выражения личностной реальности, потому что сводит личность к синтезу предметно-функциональных ролей. В связи с этим предпочтение отдавалось понятию "ипостась".

А с перцепцией забавные вещи бывают. Вот,
например, по Маяковскому:

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:

"Какая
гигантская
лошадь-ублюдок".

Верблюд же
вскричал:
"Да лошадь разве ты?!"

Ты
просто-напросто –
верблюд недоразвитый".

И знал лишь
Бог седобородый,

что это
животные
разной породы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булгаков М.* Белая гвардия; Мастер и Маргарита; Повести; Рассказы / Михаил Булгаков. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 656 с.
2. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Эдмунд Гуссерль. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем. В. В. Библихин]. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

Статья опубликована в ежегоднике "Феноменология: рецепция у східній Європі".

Дем'янов В. О. Кто "за скобками"? (квінт-есе).

Demjanov V. O. Who "outside the brackets"? (quint-essay).